Юрий Нечипоренко

Друг мой Толька

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Толик появился в нашем дворе внезапно: две сестры Печенковы съехали (с родителями, конечно), а Толик с братом – приехали. Брат его не особенно вникал в наши дела: он носил брюки дудочкой и ухаживал за барышнями. А мы с Толиком как раз совпали – он был старше меня года на три и стал самым верным, самым лучшим другом. Мы вместе стреляли из самопалов, делали взрывпакеты, строили халабуды и мечтали о кораблях на воздушной подушке. Толик увлекался машинами – у его отца была большая «Волга», и в их гараже была оборудована глубокая бетонная яма для того, чтобы к машине было удобно подобраться снизу и подкрутить там гайки…»

- Юрий Нечипоренко
  - ○

Юрий Нечипоренко
Друг мой Толька

Памяти Джеймса Олдриджа

Толик появился в нашем дворе внезапно: две сестры Печенковы съехали (с родителями, конечно), а Толик с братом – приехали. Брат его не особенно вникал в наши дела: он носил брюки дудочкой и ухаживал за барышнями. А мы с Толиком как раз совпали – он был старше меня года на три и стал самым верным, самым лучшим другом. Мы вместе стреляли из самопалов, делали взрывпакеты, строили халабуды и мечтали о кораблях на воздушной подушке. Толик увлекался машинами – у его отца была большая «Волга», и в их гараже была оборудована глубокая бетонная яма для того, чтобы к машине было удобно подобраться снизу и подкрутить там гайки.

Все время в гараже кто-то крутил гайки у этой «Волги» – то ли шофер его отца, то ли механик, в общем, несколько мужиков в спецовках только тем и занималась, что крутили гайки у «Волги». Немудрено, что она мало ездила, больше стояла на приколе. Под вечер, когда уходили взрослые, любили спускаться в подземелье гаража и мы с Толиком, – там, в полутьме, можно было стоять в полный рост под «Волгой», ее брюхо было вверху, как брюхо небесной коровы, богини Нут из египетской мифологии, которую мы проходили в школе.

Вокруг «Волги» стояли книжные шкафы: там лежали пачки журналов «Крокодил», с анекдотами и картинками! Но были и книжки. Вообще у родителей Толика была большая библиотека, и они в гараж относили книги, чтобы те не занимали место в квартире. Дома у них стояли книги отборные – там были Станислав Лем и Джеймс Олдридж. А в гараже лежали журналы и… сказки. Там была и книжка с радугой на обложке: «Дорогие мои мальчишки» Льва Кассиля – про Синегорье, волшебную страну мастеров. Я зачитывался этой книгой и воображал нас с Толиком мастерами из этой страны. Еще там были «Турецкие сказки» с цветными картинками, орнаментами и восточными красавицами.

От таких изысков наша семья была далека: у нас на этажерке стоял Пришвин с картинками, где были изображены бобры,

занятые строительством плотины, – книга такая читаная-перечитаная, что бобры эти казались уже родными. Про Олдриджа я тогда не слыхал, а у родителей Толика был целый двухтомник: «Последний изгнанник». Толик подарил его мне на день рождения, и хотя книга показалась мне трудной – о судьбе англичанина, который должен покинуть Египет, – я старался ее читать. Развалилась Британская империя, но у героя оставалась в Египте дружба и любовь. Все это было довольно сложно для человека лет десяти от роду, но я пытался одолеть роман.

Толик появился в моей жизни, как сверкающая комета: вместо сомнительного Петьки, который надо мной все время глумился, у меня появился настоящий друг, который во всех делах принимал мою сторону, поддерживал мои начинания. А то, что он бы старше, и общался со мной, как с равным, придавало нашей дружбе оттенок благородства. У Толика был тонкий гордый нос с горбинкой, который я считал признаком аристократизма, связывая его со стилем Толикиного общения – доброжелательного, неброского и высокого. Мы жили с ним, как два благородных дона, увлекающихся техникой, – читали журнал «Юный техник», где было так много интересного, что для себя я даже переименовал этот журнал, на обложке которого стояли буквы «ЮТ», в «Юра-Толик».

Вдруг, в какой-то момент я осознал, что Толик уедет от нас: их семья сменила уже много городов, нигде подолгу не задерживаясь, – и друг мой исчезнет так же внезапно, как появился. Семья Толика вела кочевой образ жизни, его отец был начальником, его все время переводили с места на место, и Толик успел поучиться в разных школах. От сознания ужаса и неотвратимости беды я даже заплакал.

Вскоре так и случилось – Толик уехал. Был он рядом со мной недолго, но запомнил я его на всю жизнь. Когда, уже будучи взрослым дядькой, я начал писать рассказы о детстве, то снова пережил это расставание – мне стало так же остро не хватать Толика. Я узнал, что он работает в Министерстве энергетики, живет в Подмосковье, – и мне удалось разыскать его через двадцать лет. Мы встретились, и я совсем не узнал его. Выглядел он как обычный человек, которого я бы не выделил из толпы. И только нос с горбинкой, знак Толикиного смешливого аристократизма, пытался еще жить высокой жизнью на его лице. А он сказал, что узнал меня – по глазам… И я понял, какого друга потерял в детстве. Редко встретишь столь внимательного и бережливого человека, который двадцать лет помнит твой взгляд.

Толик стал заядлым автомобилистом: та самая «Волга», что стояла у них в гараже, эта небесная египетская корова, определила его судьбу.

Больше мы с ним не встречались. Но я так же, как в детстве, люблю Джеймса Олдриджа, которого подарил мне на день рождения Толик. Я перечитываю книги этого писателя – и удивляюсь редкому сплаву ума и благородства. Олдридж был военным корреспондентом и жил в Москве в 1944–1945 годах – здесь он встретил победу и навсегда сохранил в своем сердце любовь к нашей стране, как бы она ни называлась – Россия или СССР.

Иногда я открываю книгу и перечитываю дарственную надпись:

«Юре от Толика».

Что может быть проще?

Друг подарил мне целый мир.